

Психология хулиганства
(нормативность природы и ненормативность души)

Посох мой, моя свобода — сердцевина бытия

О. Мандельштам

Пытаясь понять причины склонности к агрессии, психологи находят разные объяснения. Одни усматривают ее истоки в плохой наследственности, другие считают, что она возникает как стремление восстановить справедливость в ответ на оскорбление, или как реакция на возникшее препятствие, третьи говорят, что многие видят в ней привлекательную поведенческую модель, доказывающую наличие у человека лидерских качеств и надежность и др. Существующие теории агрессии достаточно убедительны в отношении тех преступлений, в которых обнаруживается какой-либо корыстный мотив, есть конкретная причина их зарождения. Но есть разновидность преступлений, которые именуют как «немотивированные преступления», когда для их совершения у преступника, казалось бы, не было никаких видимых причин. Но, несомненно, какая-то причина существует. Если не внешняя, значит некая внутренняя – собственное тяготение человека ко злу. Однако, каким образом и за счет чего оно в нем возникает, что побуждает к нему?

Изучая случаи «немотивированных» преступлений, приходишь к убеждению, что целью преступника было не просто устранение человека как мешающего препятствия, но им преследовалась некая сверхзадача. Убийство даже незнакомых людей оставляет гнетущее впечатление, но особенно подавляют преднамеренные убийства «совершенные с особой жестокостью и цинизмом». Они ошеломляют своей непонятной бессмысленностью и зверством по отношению к жертве. Человеческий разум отказывается верить в реальность случившегося и пытается защититься, объявив преступника сумасшедшим – мол, *ненормальный*, полагая, что нормальный человек такое совершить никак не мог - таким образом люди стараются успокоить себя. Но, увы, слишком часто судебно-психиатрическая экспертиза вынуждена констатировать, что преступник психически здоров и во время совершения преступления находился во вменяемом состоянии.

Имеющиеся на сегодняшний день психодиагностические методы не обнаруживают у большинства так называемых «немотивированных преступников» существенных психических отклонений от нормы, и потому приходится признать, что тяготение к таким преступлениям – это не болезнь души, а ее сердцевины – духа. Во всех существующих теориях остается необъясненный остаток. Зло как бесконечно малая величина - меньше любого рационального числа, но все же больше нуля, и кажется, неодолимо человеческими усилиями. Зло изворотливо и реально существует, хотя рационально никак неуловимо, и потому ни одна из вышеперечисленных психологических теорий не в состоянии локализовать его существование до такой степени, чтобы поставить ему окончательный «диагноз» и указать способы избавления. Зло может провоцироваться, вызываться к жизни, но если его долго «не зовут», оно само приходит. Есть определенный парадокс в том, что приходится признать, что не остается ничего **более рационального как обратиться иррациональному объяснению происхождения зла в мире**. Похоже, что его основная инстанция - «родина зла» имеет неземное происхождение, и оттуда исходят побуждения и разрешение к совершению «беспричинных» преступлений.

Несмотря на разность масштабов совершаемых преступлений между тяжкими немотивированными преступлениями и хулиганскими поступками можно рассмотреть глубинное родство, и только чудовищность первых заслоняет общее в их структуре и психологической физиономии. Уголовные кодексы разных стран к такому социальному явлению как *хулиганство* относят дерзкие и как будто бесцельные деструктивные действия, «смысл» которых в том, чтобы демонстративно заявить о презрении законопослушному обществу. То есть хулиган вроде бы психически нормален, однако его действия поражают своей неадекватностью. Это те случаи когда, нет четкого мотива и его агрессивные действия не соответствует внешней ситуации, но в то же время, не видно галлюцинаций, бреда, патологического аффекта. Подобное негативное отношение к социальным ограничениям, как правило, проявляется спонтанно и незапланированно, и чаще всего, под влиянием алкоголя. Не случайно, происхождение этого термина связывают с ирландским словом *houlie* - «необузданная, дикая алкогольная вечеринка»*. Склонность к оскорбительному поведению психологи часто объясняют тем, что это помогает некоторым индивидам казаться более сильными и значительными. Хулиган получает особое удовлетворение от зрелища несчастья и унижения другого, оно сродни исполнению долга отмщения всем; он радуется не просто победе над другим человеком, но испытывает восторг от нанесенного им ущерба другим вообще – унижения и уничтожения окружающего мира.

* * *

В отличие социальных «законов», формирующихся на основе субъективных представлений людей о нормах взаимоотношений друг с другом, законы природы человек нарушить не в состоянии, и потому неизбежно им подчиняется. Попытавшись же их нарушить, человек незамедлительно получает противодействие, которое и становится наказанием за его самонадеянность – разобьется, обожжется, утонет.... Если он вообразит себя птицей и захочет полететь, бросившись со скалы вниз, то сила тяготения немедленно начнет его приземлять; когда прикоснется к оголенным проводам - разряд электрического тока мгновенно ударит его или даже сожжет... Однако, такое быстрое наказание (немедленное подтверждение нерушимости естественных законов) происходит далеко не всегда, и осознание несоответствия совершенного действия может придти к человеку через длительное время (в виде болезней или разочарований в своих планах). В большинстве случаев возмездие следует за человеком невидимо, опосредованно, отсроченно по времени - оно скрыто от него, тем не менее, негативные последствия нарушения закона рано или поздно его настигают. Чтобы избежать подобных несогласованностей человек должен был бы иметь знания об отдаленных эффектах своих действий, о том, как они проявят себя в будущем. Однако никто не в состоянии учесть то, что находится за пределами осознаваемого, даже когда пытается тщательно планировать свои действия. Какой бы аспект или сферу существования человека мы бы ни взяли, всюду обнаруживаем, что ни один шаг в избранном им самим направлении не гарантирует долгосрочного успеха и благополучия. Поведение человека в условиях тотальной неопределенности мира и принципиальной невозможности предвидеть последствия своих действий характеризуется непоследовательностью,

* Существует разные точки зрения на происхождение обозначения этого явления; по одной из них термин *хулиганство* произошел от древнерусского слова «хулить» - в *Толковом словаре В.Даля* слово «хулить» означает - не одобрять, порицать, хаять, порочить, унижать, осуждать, обзывать дурным, плохим, негодным.

случайностью и крайней степенью субъективности реагирования на свое окружение, что часто создает у него не более, чем мнимость правильности действий. О человеке можно сказать, что он «тактичен», но почти никогда «стратегичен», и потому он имеет лишь иллюзию предусмотрительности своего поведения. Только если бы люди обладали *абсолютным знанием* о закономерностях действующих в мире, и неуклонно следовали им, то лишь тогда могли бы избежать ошибок*. Тем не менее, они так или иначе пытаются систематизировать имеющиеся опыт и знания о мире, формулируя их в виде различных принципов поведения со своим окружением, и, следуя выработанным правилам, человек стремится упорядочить отношения с другими людьми, и выстраивать хоть в какой-то степени законоподобные связи с миром. Отклонения от них - им самим и для себя заданных правил - расцениваются как покушение на установленный миропорядок.

Современный человек привык больше полагаться на себя, на свое разумение ситуации, и лишь изредка обращает внимание на наставления и опыт других. Он устанавливает для себя собственные правила, и, сколько бы ни оглядывался, исходит в своих решениях, чаще всего, из сиюминутного видения ситуации, т.к. предыдущий опыт и общий характер любых законов не для него является убедительным. Лишь в отдельных случаях (в рамках рационализированных сфер деятельности) опыт и научные исследования могут дать более или менее определенные прогнозы о полезных, нейтральных или отрицательных послеэффектах тех или иных решений. Однако, человек часто убеждается в том, что его действия через совсем непродолжительное время приводят к результатам, которые он вовсе не предвидел, и потому во многих случаях действует наугад, рассчитывая на удачу и опираясь на непосредственное восприятие ситуации и свою оценку лишь ближних изменений**.

Законы, установленные человеком, в частности, юридические нормы можно оспорить, изменить, нарушить, исказить... Поскольку чаще всего за нарушение социальных законов преступник автоматически не получает от внешнего природного мира наказания, то это является для него доказательством, что природой его действия не «воспринимаются» как нарушение – а значит, не являются преступными. Поэтому общество само устанавливает свою норму возмездия за преступления, тем самым, имитируя принцип нарушения природных законов – принцип ответного действия (кары, возмещения). Но преследование и наказание преступника становится возможным, только после того, как преступление обнаружено, имеются следы его совершения и когда он сам схвачен. Однако в течение всего периода подготовки, совершения преступления вплоть до задержания преступника он не имеет никаких препятствий для исполнения своих намерений и еще какое-то время для него так и не наступает возмездие. Неочевидность неизбежности наказания за нарушение социальных норм порождает у преступника надежду или уверенность, что за ему за это «ничего не будет». Между нарушением некоего предписания или заповеди и последующим за ним вредными последствиями, всегда имеется некий промежуток времени, «отсрочка

*Лаплас надеялся, что человечество сможет достичь лучшего научного понимания мира, хотя и осознавал, что в случае, если такое произойдет, всё равно потребуются огромные вычислительные мощности, чтобы произвести такие расчёты в один определённый момент. Однако, несмотря на то, что развитием динамической системы как мироздание в целом управляет детерминистический закон на практике наше незнание начальных состояний исключает всякую возможность детерминистических предсказаний.

** Кажущаяся отсрочка возмездия за нарушение ограничения или запрета действует во всех сторонах повседневной жизни человека. Он может сразу не почувствовать вреда, который сам себе нанес, и только со временем начинает испытывать разрушающие последствия совершенного им в прошлом. В частности, по этой причине человеку предписывается соблюдать все Божьи заповеди, которые определяют, что полезно для благополучия человека, а что вредно. Сам же человек не в состоянии предвидеть их возможные последствия и установить их действительный источник.

наказания» за факт преступления запретной черты, которое будто бы может и не наступить вовсе.

Для психолога наиболее существенным является выявление причин, почему у человека не срабатывают противовесы появившемуся желанию совершить преступление, почему у него возникает не только побуждение к противозаконному действию, но и формируется *позитивное самовосприятие*, несмотря на то, что он, как правило, отдает себе отчет в том, что его действия преступны?

В криминальной психологии отмечается, что преступник - это человек, которому «то, чего хочется, всегда кажется необходимым». Если у человека нет социальных и нравственных норм, которые могли бы повлиять на его поведение, то управляющим фактором становятся внешние воздействия, которые либо поощряют его к действию, либо препятствуют. Можно утверждать, что в большинстве случаев, преступник руководствуется принципом: **слабость подобна пустоте, которая заполняется силой**, который и формирует соответствующий алгоритм действий его преступно-поисковой установки в коридоре имеющихся возможностей - «*Если возможно – значит можно?*». В любой конкретной ситуации преступления, когда сопротивление жертвы отсутствует или не является для него угрожающим воспринимается им как *пустота, которая может и должна быть заполнена его силой - насилем*. В подобных случаях преступление уже перестает восприниматься им как нечто недопустимое, а, лишь как некое специфическое «усилие», требующееся для достижения его цели. Возникающие перед ним раз за разом вопросы - *можно или нельзя продолжать начатое*, подобно ударам метронома отбивают такты совершаемого им преступления, ответы ему дают реакции жертвы, ослабляющие или усиливающие его агрессивность.

Даже при тщательно спланированном преступлении преступник действует как бы наощупь и постоянно следит за малейшими изменениями среды, реакциями жертвы и ее окружения. Если не возникает опасных для него последствий – он продвигается дальше, дальше, дальше. Ничто не дает ему знать, не подсказывает, что он совершает нечто плохое и «недопустимое» - вокруг него ничего практически не меняется ... Всякая отсрочка наказания воспринимается им как дозволение и поощрение. Не получая отпора в совершении преступных действий, насильник укрепляется в мысли, что направление его действий верное - «*Если возможно – значит можно!*». Разрешив себе совершить преступление (приняв для себя его допустимым), он каждое последующее действие мысленно соотносит с этой установкой, и либо затормаживает, либо продолжает его реализацию [25. С.84, 68].

* * *

Возможно ли найти человека, который скажет, что он сознательно отстаивает неправо (неправильные) идеи и цели? Таких, видимо, просто не может быть. Даже, если человек последовательно проводит в жизнь программы, от которых людям тошно, он, тем не менее, считает, что так правильно – так надо, люди это заслужили. Лжет ли человек, предает ли близких, убивает ли заложников, подавляет ли бездарный талантливый, использует ли одна группировка против другой бесчестные приемы и т.д. – всему человек находит оправдание и считает, что то, что он делает – справедливо.

То, что всякий человек, без исключения, считает, что всегда поступает «хорошо» связано с тем, что его поведение в принципе имеет множество вариантов, обдумывая и взвешивая которые, он выбирает какой-то один. Окончательный выбор он производит, опираясь на наиболее ему желаемое, а это дает ощущение **свободы выбора**. В дальнейшем при необходимости дополнительного убеждения себя и других в своей правоте в ход

пускается логика, в том числе срабатывает психологический механизм рационализации, когда человек произвольно оценивая собственные действия и поступки других людей, приводит их к нужному знаменателю. Замечательная особенность этого процесса, что эта псевдосвобода выбора делает совершенно незаметным фактическое следование детскому принципу удовольствия. То, что нравится, хочется – то и хорошо! Это плоскость существования не выбирающего, не свободного человека, а запрограммированного на удовлетворение своих сиюминутных потребностей – потребление не полезного, а, по возможности, «вкусненького», находясь в плену неосознаваемой им иллюзии свободы.

Выбор же имеет место не тогда, когда человек подчиняется только своим желаниям, а когда он, несмотря на свои индивидуальные пристрастия, останавливает свой выбор на лишенных конъюнктурности ценностях. Он приближается к ситуации свободы (выбора), когда начинает отдавать себе отчет в том, что мир большой и существует не только ради него и не потому, что он давно в нем проживает, что есть культурологическое и нравственное измерение в мире, на оси которого зацепилось и держится его существование. Тогда человек осознает, что на гуманитарные ценности, как на идеальный камертон, должны быть настроены все его средства и инструменты деятельности. Основным смысл свободы в том, что она делает человека свободным, а значит способным к различению императивных и факультативных ценностей. Выбор, следовательно, это ситуация борьбы между **соблазном** (подчинением своим желаниям - приятно мне, хорошо мне) и **ответственностью** за то, что нуждается в поддержке, проявляемой в форме обеспокоенности за сохранение фундаментальных структур человеческого облика мира или в форме прямого сочувствия другому человеку - **свобода проявляется в сочувствии**,* [23. С. 59].

Однако приходится признать, что человек катастрофически часто не склонен по доброй воле расставаться с иллюзиями мышления, когда ему только кажется, что он мыслит и понимает, хотя до понимания ему еще очень и очень далеко. Тем не менее, если и имеет смысл говорить о некоей главной особенности человека, то, по-видимому, только *свобода составляет его сущность; и она же освобождает его от любых самообвинений***, поэтому даже, если иерархия переворачивается, и частное и преходящее начинает преобладать, ощущение свободы, не исчезает***.

В психологической литературе хулиган характеризуется как человек нравственно неразвитый, и потому он ведет себя вне связи с общепринятыми нормами, полагая, что законы, правила и мораль – не для него. Он не задумывается о последствиях своих действий, а действует под влиянием момента и, опираясь на сиюминутно желаемое, наслаждается своей

* Чтобы человек мог обрести радость совершенную - «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 11, 13).

** Это объясняет тот факт, что, практически все преступники, оказавшиеся в заключении, полагают несправедливым вынесенное им наказание. Даже искренне раскаявшийся в совершении ужасного преступления и сам же не находящий им оправдания, «умом понимая», что *зло должно быть наказано*, тем не менее, в глубине души считает, что он-то уже не заслуживает наказания, поскольку он теперь не тот, кем был раньше – теперь он другой. Судить и наказывать надо того, вчерашнего, прошлого, а не его сегодняшнего – присущая ему свобода протестует против какого-либо ограничения и требует освобождения. Как показывают специальные исследования, это чувство «несправедливости» или ненужности наказания несут в себе практически все осужденные. Собственно, по этой причине возникает дилемма предпочтений: *«судить по закону или по справедливости, по совести»*. И это лишь подтверждает вывод, что что бы ни сделал человек, какие бы преступления он не совершил, его личная внутренняя свобода не утрачивается ни при каких обстоятельствах - она ни от чего не зависит и никому не подчинена.

*** Ситуация *«иллюзия свободы - действительность свободы»* отчасти подобна противостоянию *«знающего и незнающего»* – уверенность Сократа в открывшемся ему *«Я знаю только то, что ничего не знаю...»* в своей психологической явленности сознанию ничем не отличается от уверенности обывателя, что он *знает* все, что нужно знать. Что каждый из них в дальнейшем будет делать с осознанием своего знания – это уже иная плоскость, иной аспект их знаний в их жизни.

безнаказанностью, что дает ощущение свободы и полноты жизни*. Объяснения причин хулиганства обычно сводятся к перечислению личностных особенностей человека, обусловленных возможной неудовлетворенностью первичных потребностей в любви, защите, к неблагоприятным внешним условиям в детстве, в результате чего происходит эмоциональное отторжение от окружающих, и в будущем это может вызвать агрессию, садизм и пр. как реакцию отмщения за нанесенные обиды. Склонность к хулиганским поступкам может сформировать повышенная конфликтность человека (связанная с его низкой адаптивностью), тревожность, заниженная самооценка, желание изменить устоявшееся представление о себе, искаженные ценностные ориентации, отличающиеся от общепринятых морально-этических норм и др.

Тем не менее, непонятным остается, почему у людей возникает потребность провоцировать у окружающих возмущение - только лишь желание заявить о себе? – причем, именно с целью вызвать у окружающих негативную, шоковую реакцию, и чем и ярче эта реакция будет, тем лучше хулиган себя чувствует**. Его основная задача - ошеломить окружающих наглой и грубой выходкой, вселить чувство страха и тем самым подчинить их своей воле. Это дает ощущение собственной значимости, и потому, в совокупности с переживаемым чувством вседозволенности, для некоторых людей становится особенно привлекательным [10]. Очевидно, что действия хулигана, так или иначе фокусируется в направлении тотального негативизма и враждебного отношения к миру. Кажется, что он хочет нанести вред миру в целом - «за всё-всем вообще» - за что?! Как правило, этому предшествует общее недовольство жизнью, что приводит к тому, что в нем нарастает чувство, что должен что-то предпринять, «стукнуть» по устойчивости и упорядоченности мира, растормошить его и «вывести из себя», и только внешняя среда и воспитание блокируют реализацию какого-либо решительного действия. Но рано или поздно блокада накопившегося напряжения оказывается недостаточной и тогда случайный раздражающий фактор приобретает свойство пускового механизма и эмоциональная разрядка в виде немотивированной агрессии становится неизбежной. Такое экспрессивное поведение является выражением его внутреннего состояния и его составной частью, и потому внешние проявления не имеют под собой определенной цели и ни на что специально не направлены. Внешне хулиган - это обычный человек, который периодически испытывает как будто неразумную потребность противостоять всем и всему. В большинстве случаев только страх наказания заставляет хулигана подавлять свое стремление, вынуждая жить двойной жизнью - на виду соблюдать нормы поведения и быть «правильным», но когда социальный контроль ослабевает, он начинает делать все, что вздумается. Хулиганские побуждения обычно проявляются по незначительному внешнему поводу, когда ситуация, в том числе будущий потерпевший, не дает субъекту преступления повода для преступных действий, их жертвами часто становятся совершенно случайные объекты [3. С. 167]. И потому, если рядом с ним не окажется того, что хоть чем-то его заденет и даст повод к агрессии, хулиган все равно найдет причину, чтобы выразить свое презрение к окружающим, в особенности к законопослушным гражданам. И чем более те «правильны», тем большую ярость они у него вызывают. Он сам инициирует скандал тем, что бросает дерзкий вызов окружающим, а ответное возмущение и попытки одергивания становятся для него конкретной причиной последующей агрессии.

* Многие люди, опасаясь наказания, избегают участвовать в непристойностях, но испытывают удовлетворение близкое к зависти, подсматривая, как это вместо них делают другие, а все потому, что здесь, на земле они хотят прожить свою грешную жизнь сполна, ну, а уравновесить ее своей ангельской сущностью они рассчитывают как-нибудь после, потом – возможно, на небесах или в мечтах.

** В этом хулиганские поступки сходны с псевдоэксгибиционизмом (публичное обнажение гениталий под влиянием стресса с целью получения удовольствия от шоковой реакции наблюдателей, для которых это оказывается неожиданным или нежелательным).

Но откуда у них возникает эта уверенность, что правы в своем оскорбительном отношении к миру, несмотря на то, что доказать это ничем ни себе, ни другим не могут?! Та нерациональность и неконкретность их наступательности, отсутствие реальной опоры и изначальная бесперспективность претензий кажутся чрезмерными для действий только лишь с целью пустого бахвальства. Хулиганство следует отнести к *немотивированным* преступлениям в том смысле, что поступки оказываются несоразмерны породившему их поводу, не являются логическим завершением стимула, и это вызывает обоснованные сомнения в психическом здоровье и вменяемости человека*. Особенность этого вида преступлений заключается в необычности мотивов и цели хулиганских действий, т.к. с позиций житейской логики они бессмысленны**. Во второй половине XX века было выдвинуто интересная нейропсихологическая гипотеза относительно происхождения неосознаваемых негативных мотиваций, которые, казалось бы, находятся в противоречии с «законом смысла»: у человека, в условиях отсутствия идеалов, периодически может возникать потребность в отрицательных эмоциях («поиск неприятностей»), и способствовать их реализации в асоциальных поступках***. Вместе с тем известно, что хотя выбор направления действий человека в какой-то степени обусловлен биологическими факторами, однако целью для него может стать только то, что соответствует его представлениям, а это полностью определяется как внешними социальными факторами, так и личностными установками человека [26. С.437].

Кажущаяся «бескорыстность» и немотивированность хулиганства обусловлена тем, что в эти моменты человек творит зло из удовольствия от самого участия в исполнении им злого действия и в реализации своей протестной воли****. В его действиях, действительно,

* В большинстве случаев судебная практика имеет дело с преступлениями, которые так или иначе корыстны, и потому, с учетом субъективной стороны преступления, понятны, и в этом смысле они «нормальны».

Стремление психологов связывать причины немотивированных преступлений с теми или иными психическими аномалиями человека напоминает описание психического состояния Каренина – недоумение, растерянность и беспомощность, почуявшего готовность своей жены Анны к «преступлению»: «...и это-то казалось ему очень беспомощным и непонятным, ... каждый раз, когда он сталкивался с самой жизнью, он отстранялся от нее... Он впервые живо представил себе ее личную жизнь, ее мысли, ее желания, и мысль, что у нее может и должна быть своя особенная жизнь, показалась ему так страшна, что он поспешил отогнать ее. Это была та пучина, куда ему страшно было заглянуть» (Л.Толстой «Анна Каренина»).

** Здесь намечается точка пересечения с некоторыми положениями идеологии *антипсихиатрии*, в которой подчеркивается важность учета экзистенциальных предпосылок асоциального поведения, указывается на отсутствие в традиционной психиатрии четких критериев психической нормальности, утверждается недопустимость усмотрения в критике общепринятых социальных норм признаков психического заболевания. Идеолог этого движения Р.Лэйнг утверждал: «состояние, принимаемое в обществе за психическое заболевание, представляют собой лишь адаптивную реакцию отдельных людей на *неудовлетворимые* в принципе требования общественной жизни» [14, см. также 27 С. 25—28, 70, 79, 85].

*** В нормальных (комфортных) условиях нейронная *система положительной мотивации* (СПМ) нуждается в активизирующем влиянии со стороны *системы отрицательной мотивации* (СОМ) – «если сенсорное голодание систем положительной мотивации создает вечную неудовлетворенность человека достигнутым, то сенсорное голодание систем отрицательной мотивации обеспечивает эту неудовлетворенность мужеством, способностью к дерзаниям и риску»... Побуждения, возникающие вследствие сенсорного голодания СОМ, всегда подвергаются рационализации и возникают в сознании только под фасадом положительных влечений» [26. С.442-445].

**** Эту человеческую «странность» (гипертрофированную агрессивность) отметил К.Лоренц в своей книге о природе агрессивности - инстинкт, служащий у животных сохранению вида, у человека «перерастает в гротесковую и бессмысленную форму». И далее: «По доброду, старому психиатрическому определению, психопат – это человек, который либо страдает от требований, предъявляемых ему обществом, либо заставляет страдать само общество. Так что, в определенном смысле, все мы психопаты, поскольку навязанное общим благом отречение от собственных побуждений заставляет страдать каждого из нас. Но особенно это определение относится к тем людям, которые в результате ломаются и становятся либо невротиками, т.е. больными, либо преступниками» [12].

нет прямой и очевидной выгоды - хулиган лишь выплескивает свою агрессию, в результате которой страдают не только люди, но и животные; они нередко сопровождаются актами вандализма – разрушаются вещи, строения, произведения искусства. Хулиган стремится заявить окружающим о своем неуважении к ним, но поскольку подтвердить свои претензии к ним чем-то конкретным не может, то это его еще больше заводит, и тем более ожесточенным и безжалостным он становится в попытках «высечь» хоть какую-то искру смысла из своих дерзких выходок. Странность хулиганства в том, что унижение окружающих для него является подобной сверхценности. В азарте куража хулиган готов расщепить как атом весь мир, чтобы не только посмотреть, что там, в конце концов, за его видимостью, но и совершенно «раскурочить» его, чтобы заявить всем-всему, что его душа никому и никогда неподсудна, при этом мир должен быть по отношению к любым его акциям совершенно «лоялен»*, т.к. его душа претендует на абсолютное алиби**.

* * *

Как утверждал психолог Р.Лэйнг, необходимо попытаться *увидеть человека не в слабости, а в силе соблазнов и оправданий*, ведущих его к асоциальному и даже антисоциальному поведению, тем более, что психолог «должен обладать пластической способностью перемещать себя в другую, странную и даже чуждую перспективу мира... Только так он может достичь понимания *экзистенциальной позиции* пациента» [13. С. 176]. Подобная установка побуждает не ограничиваться более или менее удобными объяснениями случаев хулиганского поведения, например, проявлениями распущенности, невоспитанности и морально-этической неразвитости индивидов, и предположить, что, по крайней мере, за некоторыми из них кроется гораздо более фундаментальная мотивация – значительно более серьезная, чем только лишь желание покуражиться, покрасоваться, показать свою удаль и превосходство над другими, повысить свою самооценку и т.п. К такому допущению склоняет то, что хулиганские бесчинства, зачастую, похожи на отчаянное стремление доказать *нечто противоположное* своему окружению в целом. В то же время, если в их поле зрения попадает что-то конкретное, вызывающее недовольство, то их общий негативизм к миру как будто получает объяснение и «объективное» основание, хотя истинные мотивы остаются для них скрытыми и могут не осознаваться, и потому их объяснения и оправдания лишь маскируют более глубинную причину. Очевидно, здесь мы сталкиваемся со стремлением

* Представляется, что в человеке нет идеи доминирования над другими («воли к власти»), скорее он ожидает от них лояльности, когда же он ее не получает, он избирает или тактику подавления и подчинения, или конформизма.

** «Бессмысленность хулиганства» есть психологическая реакция на бездушный механистический мир, бессмысленность которого тоже не имеет моральных оправданий для своего существования, т.к. в машиноподобном мире не существуют нравственные категории, и в нем нет различий между добром и злом.

Как пишет А.Леонидов-Филиппов в статье «Гордящиеся позором»: «*Преступник немотивированный не находит места миру в себе*» [11], т.е. такой человек по своему внутреннему устройству не совпадает с устройством законами мира своего существования, и не может мириться с бессмыслицей. Кажется, его мироощущению созвучны знаменитые пушкинские строки:

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.*

человека к злу в чистом виде, или обыденнее - потребностью выразить накопившееся недовольство условиями своего существования в принципе. Его агрессия не является ответной реакцией на какой-либо определенный раздражитель - это разрядка аккумуляировавшегося и сконденсировавшегося внутреннего напряжения в виде неспецифической реакции на раздражающе высокоупорядоченную жизнь в целом, если в поле зрения появляется ее более или менее яркий представитель. Ощущения хулигана насыщены желанием наказать кого-либо, все равно кого! Он – задира, и поэтому каждый, кто являет собой образец «правильности», законопослушности воспринимается им как символ покорности, готовности к подчинению, и за это наказания заслуживают практически все!*

Зло хулиганства, рассматриваемое в таком ключе, предстает как протест против мира, охваченного действием неизменных законов – естественных ли, социальных ли, причем, не им лично установленных, и потому он все, что устоялось, стало законом, традицией, каноном хулиган стремится принизить, осквернить, развенчать и даже уничтожить – **деканонизировать**. На эту мысль наводит то, что хулиган получает особое удовольствие, когда оскорбляет представителей культуры - издевается над ними, куражится, насмехается, оскорбляет, стремится показать их ничтожность. Почему-то он вообще чувствует себя оскорбленным и униженным культурой. М.Горький вспоминал: *«Мне отвратительно памятен такой факт: в 19 году в Петербурге был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших северских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, - уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное... я знаю, что болезненным желанием изгадить прекрасное, злым стремлением портить вещи исключительной красоты страдают и некоторые группы интеллигенции»*.

Другой, часто встречающийся пример детского озорства: *«Мальчик учился в седьмом классе. Он доставлял немало неприятностей учителям. Например, если в классе наступала тишина, он сразу же падал со своего стула, вызывая всеобщий смех. Когда остальные склоняли спины, пытаясь над самостоятельной работой, он начинал запускать самолетик. После того, как в классе сделали ремонт, он отрывал проводки, царапал обои и открывал болтики. Для этого он специально приносил из дому инструменты»* [6].

Хулиганские поступки, как правило, совершаются без какой-либо определенной цели - «просто так», но с определенной регулярностью. Когда пытаешься выяснить «С какой целью, зачем?!», получаешь ответы: «Не знаю», «Просто захотелось», «Потянуло» и т.п. Какие же проблемы решает такое его поведение? По-видимому, и в основе озорства (детского хулиганства) есть желание понять - «а где же тот край, дальше которого уже нельзя»**.

* Не случайно, от творческих людей можно услышать: «Нормальные люди одинаково скучны!», что отчасти перекликается с высказыванием Ницше: «Потребность в «устойчивых фактах» - теория познания: сколько в ней пессимизма!» [17. С.248].

** Похоже, что они проводят над окружающими жестокие эксперименты, подобно тому, как в детстве отрывали крылышки у мух и стрекоз. В специальных исследованиях отмечается, что люди, склонные к совершению хулиганских действий, ведут себя в реальном мире так, как будто он прост. Они действуют так, как будто мир одномерен, и это приводит к частым ошибкам, и потому их действия приводят не к тому итогу, который предполагали и крайне осложняет их взаимосвязи с окружающим миром [См. 5]. Однако таким объяснениям противостоит признание В.Гёте, которого трудно упрекнуть в упрощенности представлений о мире: «Я никогда не слышал о таком преступлении, которое я не мог бы совершить, и не знаю ни одного порока, на который не был бы способен» [20].

В терминах *синергийной антропологии* хулигана, по-видимому, можно описать как *сущее размыкающее* себя к горизонтам Антропологических Границ, соприкасающихся с иными образами бытия*, и обозначить как *виртуальное* (воображаемое) «размыкание», реализующееся как *онтическое* (на предметно-чувственной основе), но с претензией на *онтологическую* (бытийно-смысловую) значимость. Несмотря на некоторую усложненность данной формулировки, кажется, что она достаточно точно характеризует «немотивированность» хулиганства, поскольку наш персонаж выражает свои побуждения как **представление**, спектакль, в котором исполняет главную роль в материале реальной жизни. В подтексте его «выступления» (виртуальное) лежит **протест** против реальности (*онтическое*) с целью **изменить всеобщий характер жизни** (*онтологическое*) с целью подчинения всех ее компонентов своей воле**. Не случайно, С.С.Хоружий пишет, что наиболее очевидная причина тяготения к виртуальному миру в том, что он дает безопасный выход подспудным негативным наклонностям человека, избегающего зависимости от реальности.

* Похоже, что хулиганское поведение - это проявления *онтического* плана бытия, уходящего в глубины телесной модальности существования человека (психоанализ), поэтому сюда относят комплексы, перверсии, неврозы, психозы, мании, фобии (которые иногда объединяют под общим термином «феномены безумия»). По мнению С.С.Хоружего, эти феномены бессознательного, большей частью, представляют собой разнообразные циклические паттерны *сознания* и поведения, но, несмотря на свою «сознательную родословную», они возникают незаметно и непреднамеренно: «питающий источник всех этих явлений, бессознательное, и выступает как «действующий снизу» - это Внеположный Исток многообразных человеческих проявлений, в которых активизируются нижние уровни сознания, причем само обращение к бессознательному вызвано недовольством наличной реальностью». Тогда же, когда человек обращается к «*виртуальной*» сфере, которую может воспринимать как «царство свободы», он неизбежно открывает для себя неполноту осуществляемой в них альтернативы реальности, их зависимость и вторичность по отношению к ней. Это открытие вносит фрустрацию в психологию «виртуального человека», поскольку находит в виртуальной реальности лишь недостроенные, разбросанные, расчлененные, но те же формы, что и в наличной реальности. Он осознает, что его выход и освобождение из реальности относительны и условны, и поэтому его тяга к Границе не получает полноты удовлетворения, и тогда отношение виртуальной реальности к наличной складывается в парадигме «бунта угнетенных». Наличная реальность воспринимается как господствующая, давящая, и *неустрашимая зависимость от нее рождает протест и жажду бунта*. Поскольку же в виртуальном мире нет творчества новых форм, эти протест и бунт могут быть исключительно разрушительными импульсами. Это одна из причин того, что самые популярные виртуальные практики разрушительны, патологические и криминальные в своих проявлениях. Реакция же *принятия осознанной зависимости от реальности* выражается, в основном, в парадигме карнавала – в ней человек примиряется с условностью своего освобождения от наличной реальности...» [28].

Кажется парадоксальным, но некоторые виды хулиганских действий, рассмотренные в таком ракурсе, предстают как артистический жест, перформанс-манифестация свободы, бенефис, т.е. как нечто являющееся прелюдией, готовностью, грубой, неуклюжей подготовкой, к выходу-уходу в некий иной мир, где все незапланировано, неустойчиво и неопределенно.

** Подобно тому, как Скрябин верил, что во время исполнения проектируемой им *Мистерии* должен был произойти конец мира. Кажется, что общее настроение композитора совокупно формируют, так сказать, *онтическая, виртуальная, и онтологическая* мотивации – «*Кто б ни был ты, который наглумился надо мной, который ввергнул меня в темницу, восхитил, чтобы разочаровать, дал, чтобы взять, обласкал, чтобы замучить - я прощаю тебя и не ропщу на тебя. Я все-таки жив, все-таки люблю жизнь, люблю людей, люблю еще больше, люблю за то, что и они через тебя страдают (поплатились). Я иду возвестить им мою победу над тобой и над собой, иду сказать, чтобы они на тебя не надеялись и ничего не ожидали от жизни, кроме того, что сами могут себе создать. Благодарю тебя за все ужасы твоих испытаний, ты дал мне познать мою бесконечную силу, мое безграничное могущество, мою непобедимость, ты подарил мне торжество*» (А.Н.Скрябин). Один современников композитора писал: «*как ни смотреть на эту Мистерию, на эту мечту, как на безумие, или как на осуществимую мистическую реальность, для нас, исследующих его творческий путь, видно, что она была основным двигателем его творчества. Мы должны быть бесконечно благодарны этому великому безумию за то, что оно дало нам всего Скрябина - художника, всего Скрябина - человека с его экстатической устремленной душой, то всем блеском его художественных грез, рожденных идеей Мистерии*» [29].

Так что же хулиганов так «тянет» к прекрасному, откуда у них возникает нечто подобное аллергии к произведениям искусства? В своих признаниях они сообщают, что всегда с опаской и настороженностью относились к упорядоченной роскоши музеев - там им нечего было делать. С детства больше нравилось лазать по заброшенным подвалам, развалинам – манила неизвестность, опасность, возможность пережить рискованные состояния, испытать страх и преодолеть его, нравилось наблюдать картины катастроф, природных бедствий, в стихии разрушений виделось могущество «живой» силы.

Можно высказать предположение, что именно потому, что красота есть выражение мировой гармонии, она вызывает у них враждебность, доходящей до актов вандализма и стремления обезобразить образцы художественного. Враждебность к произведениям искусства - это тень переживаний прекрасного. В красоте проявляется совершенство законов управляющих миром, и естество человека тянется к красоте, чтобы слиться и замереть в созерцании. Отклонение от следования законам всегда оборачивается уродством - оно некрасиво и отталкивает, и это же является подтверждением того, что красота поддерживает и освящает закон - она на стороне законов мира, которым душа не подчинена*.

По мнению культуролога Г.Рида, на ранних этапах человеческой истории художественное творчество, в основу которого были положены принципы равновесия и симметрии, и сама природа рассматривались через призму гармонии и ритма, что стало предпосылкой возникновения науки и философии [1. С. 83, 84]. Близость принципов науки и искусства лежит в основе того, что нередко ученые усматривают в красоте, изяществе, «элегантности» той или иной научной концепции доказательство ее истинности. Многие ученые в описаниях своего научного поиска часто сообщали, что к открытию их вело эстетическое чувство [2, 18, 22]. Красота притягивает устойчивой соразмерностью форм, но в тоже время, эстетические качества объектов, т.е. ситуации, которые характеризуются как гармония, равновесие и стабильность, могут действовать подобно ограничителю в познавательном процессе - будучи как бы самодостаточными, они, удовлетворяя представлениям человека о «хорошей» форме, провоцируют к прекращению поисковой деятельности, тормозят и дезактивируют ее. Будучи «незаинтересованным суждением» (И.Кант), эстетическое чувство в содержании и не нуждается. А раз не нуждается, то оно к содержанию индифферентно и не ищет его, замыкаясь на созерцании характеристик «хороших» структур, красота коварно околдовывает сознание своими чарами. Эстетическое чувство не в состоянии подсказать человеку ничего, кроме того, что «правильность» каким-то образом связана с гармонией содержательных элементов, потому, что оно есть чувство устойчивой сбалансированности соотношений, форм, конфигураций, т.е. чувство эстетического принципиально бессмысленно и несодержательно [24. С.52-53].

«Красивое решение» создает ощущение правильности, и, поскольку цель достигнута, возникает уверенность в ненужности продолжения поиска. Магия прекрасного препятствует мыслительной активности, направляя ее на переживание наслаждения от созерцания прекрасного. Дальнейшее движение мысли и творческой активности человека становится возможным, если гармония нарушается, оказывается неустойчивой или мнимой. Очнувшись от гипноза прекрасных форм, человек замечает, что он находится в круге застывших форм**, и начинает ощущать их устойчивую последовательность как нечто застывшее, сковывающее, омертвевшее - как несоответствие ритму движений своей души, и тогда человек бросает

* Но «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф.16, 26).

** В этом, частности, видится причина постоянной смены художественных стилей в искусстве.

красоте свой символический вызов*. Он стремится разрушить ее как то, что исподволь сковывает его активность. Но в основе разрушений, считал Ф.Ницше, есть воля еще более глубоко заложенного инстинкта - устремление в *ничто*» [16. С.55]. Там, где *нет ничего* человеку могут мерещиться условия для полного самовыражения; и потому его мечте об абсолютной независимости могут быть созвучны слова из рифмованного манифеста анархиста Эжена Потье: *«Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы сами новый мир построим»*.

Прослеживается закономерность: в ситуациях беспорядка-безобразности у человека возникает стремление к упорядочению, что находит свое отражение в творческой деятельности, чтобы придать действительности определенность в конкретных формах и образах, снова обретая утраченную гармонию. Однако в условиях фиксированной гармонии человек снова стремится освободиться от сковывающей его активность заданности и определенности, от затянувшейся гипнотической силы искусства, когда ему может казаться, что в ослепляющих лучах красоты и под ее прикрытием происходит насилие над сознанием. Эти периодические колебания отражают циклический процесс, указывающий на то, что и в случае гармонии и в случае хаоса, душа стремится сохранить свою независимость от внешнего мира - жить вопреки всему. *Депривация* (нехватка, лишение) новых ощущений вызывает потребность в движении, в новом окружении, даже в изменении картины мира в целом, чтобы снова почувствовать пульсацию жизни, и тогда в человеке снова зреют силы навстречу новым чувствованиям и открытиям**. Очевидно, что «человек никогда не равен самому себе» (В.П.Зинченко), и в душе нет как идеи завершения, так и идеи небытия-хаоса, поэтому она из состояния устойчивости и упорядоченности отбрасывается в неизвестность свободы***, чтобы вновь ощутить свое бессмертное начало – возрождение и самосозидание, чтобы ощутить радость жизни самой себя.

Кажется, что сознание любого человека (а не только «хулиганское сознание») периодически охватывает недоуменная мысль: как вообще человек - свободное существо – может жить в подчинении каким-либо законам, и какой может быть смысл в таком мире законов. Итальянская поговорка точно выражает этот стихийный протест: *«Лучше быть мышью в когтях кошки, чем человеком в руках законника»*. Его ужасает мысль (*«кипит наш разум возмущённый»*), что всю свою жизнь придется сверять свою соразмерность и согласованность с чем-либо. Действительно, никто и ничто не вправе делать другого человека психологическим должником, поскольку крайне трудно представить, как за него сполна расплатиться. Он остро чувствует, что материальный мир все время от него чего-то требует, ставит условия, ограничения, диктует как жить, постоянно указывает человеку «его

* Не случайно, И.Кант считал, что одним из мотивов эстетической деятельности, является бегство от всех форм однообразной практической деятельности. [9. С.280], хотя само искусство тоже создает свои объекты поклонения и каноны. И потому некоторые религии ставят категорический запрет на изображения бога, святых, мучеников, человека, животных и пр., чтобы избежать опасности идолопоклонства - Всевышний мыслится как чистая духовность, а мистическая идея не может иметь материального воплощения.

** Здесь просматривается аналогия с механизмами зрительного восприятия – в исследованиях А.Л.Ярбуса было установлено, что если изображение на сетчатке неподвижно, то способность видеть исчезает и объекты становятся невидимыми; т.е. смена изображений на сетчатке, произвольные микродвижения глаз - обязательное условие зрения [30].

*** В неизвестность квазипространства души, в сакральную сферу *«чур»-«чур меня!»* («Обойди меня!», «Боже, упаси!») - в суверенное место души между бытием и небытием, ничем незанятой и никому неподвластной; заговоренное-оговоренное место неприкосновенности и безопасности; существуют версии происхождения междометия «чур» от русского «черт» - существа, неподчинившегося Создателю.

место», и тем более ему оскорбительны любые необъяснимые запреты*. Когда хулиган неистовствует, создается впечатление, что он хочет разложить мир на составные части, чтобы посмотреть, как он стал «таким правильным», таким упакованным, уложенным в законы, как он уместается в законы, и почему он сам в них не помещается без остатка.

«Незаконность» душевных движений, в сравнении с «законностью» природного бытия периодически проявляется практически во всех аспектах существования человека в мире; они то тут, то там постоянно стремятся вырваться *за границы данного*, за пределы любых констант, расставленных в мире существования человека и диктующих ему свои условия**. Особенно ярко это проявляется в периоды карнавальных празднеств, «виртуальных» (по С.С.Хоружему), которые представляют собой время *вызова существующему порядку*, сковывающим в повседневной жизни регламентациям, когда как бы снимаются все запреты и забываются ходячие нормы морали и приличия, когда в ритуализированных формах совершается очищения от повседневности, инертности, изгнания неудач, болезней из жизни человека, провозглашается его изначальная свобода и неприкосновенность, независимость его личности от деформирующей и несовпадающей с существом человека окружающей реальности. По М.Бахтину, праздник освобождает человека от всякой утилитарности и практицизма; это - временный выход в утопический мир [4. С.300-301].

Американский исследователь Х.Г.Кокс, определяя человека как существо праздничное (*Homo festus*) пишет, что праздничное событие включает в себе три существенных момента: *намеренный эксцесс, торжественное утверждение и контраст*:

1. Праздничная чрезмерность выражается в кратковременной свободе от условностей и норм обычного поведения;

2. Праздничное утверждение жизни содержит в себе радость в глубочайшем смысле слова - в эти часы мы говорим жизни «да» вопреки фактам неудачи и даже смерти;

3. Праздник предполагает игру контрастов, противопоставление повседневности [19. С. 115, 139-140].

Постижение тайн бытия во время карнавала вплетено в само поведение людей и имеет эмоционально чувственный характер. В разнообразной исследовательской литературе посвященной праздникам подчеркивается причастность праздника к идеалу совершенных человеческих отношений. Он имеет самую прямую связь с миром высших целей человеческого существования, и главный смысл праздничной культуры - это создание условий для свободной жизни человека. Отношение праздника к миру идеалов является определенным изначальным, а тождественность его свободе, будучи принципиальной, служит гарантом этого отношения. И наоборот, *праздник как будто бы противостоит миру необходимости, в частности, производству материальных средств для жизни*.

В своей монографии о роли праздников в жизни человека А.И.Мазаев пишет, что «праздничная свобода» есть особая разновидность свободы вообще. Она определяется не столько социально-объективными, сколько социально-субъективными моментами существования. В отличие от объективной свободы, которая, будучи *осознанной необходимостью*, целиком покоится на принципе реальности, «праздничная свобода» подчиняется сразу двум принципам - реальности и фантазии, причем фантазии здесь отводится гораздо большая роль, в силу чего свобода праздника во многом оказывается

* Особенно болезненно замечает безразличие окружающего мира, когда например, в темноте наткнулся на стол, стул или столб. Вещи (законы мира) игнорируют его - куда их поставили, там и стоят на своем, как истуканы, совершенно не обращая на него внимания, не учитывая его душевного состояния, приподнятости настроения.... Как будто ожидают, когда человек их обойдет, или вступит в противоборство - кто кого? Ведь могли бы, хотя бы уважения посторониться!

** Но не будь их, мир бы немедленно рассыпался - распался до энтропийного состояния.

тождественной свободе воображения, которое есть творческая способность, помогающая человеку проникнуть в будущее, перешагивая не только через правила принятого социального поведения, но и через самую структуру повседневной реальности. Это проникновение в будущее и желание двигаться вперед требуют отстранения от существующего порядка вещей и *выходом за его пределы*, и потому может граничить с произволом и эксцессом. Она во многом условна и ирреальна - это свобода «для себя», но не для реального мира, реализующееся в праздничном мироощущении, в предельно раскованном и обращенном в будущее воображении и нового идеала. Если в условиях будничной жизни человек в каждый данный момент обычно реализует какое-то одно поведение, то праздничная ситуация включает человека сразу в два типа поведения-реально-практическое и идеально-условное. Ситуация праздника предполагает постоянный диалог диалог между двумя различными типами поведения, и соответственно, двумя различными духовно-чувственными состояниями. А.И.Мазаев замечает, в этом своем ирреальном качестве «праздничная свобода» представляет наибольшую опасность для любой социальной системы, которая, защищая себя, стремится все подчинить принципу реальности или необходимости. Однако, то обстоятельство, что праздник вызывает в одно и то же время два типа поведения, и благодаря чему человек становится равен самому себе и одновременно не равен самому себе - имеет огромное психологическое значение. Тенденция к идеальному, присутствующая в празднике, позволяет человеку перенестись в ситуации, которые в действительности для него часто недоступны, но это те состояния, когда раскрывается его настоящая сущность [15. С. 63-86, 100-113, 167-169].

Большинство людей спокойно дожидаются календарной праздничности в их жизни, другим же не терпится их наступление; большинство вполне удовлетворяются относительно реально-идеальной фактурой таких «виртуальных» состояний, и по их окончании сравнительно легко возвращаются к будням, другие же с грустью задумываются о фрагментарности и недолговечности пережитой свободы, о своей обреченности жить в мире ограничений. Но есть и радикально настроенные персонажи, которые так или иначе как будто подозревают, что «виртуальная реальность не есть автономный род бытия», и что виртуальная реальность не есть предельное проявление человека*.

В связи с этим, можно отметить, что потенциально наиболее «творческими» в плане открытия неизвестных закономерностей в психологии человека являются те сферы и аспекты жизнедеятельности человека, которые, так или иначе, касаются проблем: нормы и патологии в человеческом сознании и поведении, природы творчества, одаренности, творческой активности, «социализации» человека, его отношения установленным в обществе нормам, создания благоприятных условий и особенностей для формирования полноценной личности, развития способностей к совместной деятельности, понимания причин и мотивов девиаций и преступности, и др. К таковым дисциплинам в психологии, прежде всего, следует отнести *детскую психологию* и *патопсихологию*, *психологию творчества* и *юридическую психологию*, общим моментом в которых является уклонение человека от соблюдения социальных норм – незнание или неспособность их выполнять, нежелание ими ограничиваться или их игнорирование, их все объединяет интерес к человеку, поведение которого по тем или иным

* По С.С.Хоружему, это недо-актуализованное, недостроенное недовоплощенное существование): «Поскольку виртуальная реальность не есть автономный род бытия, она не может квалифицироваться как онтологически Иное по отношению к наличному бытию (ибо Иное определенному роду бытия есть также некоторый род бытия). Она не может рассматриваться и как некоторая сфера сущего, т.е. наличного бытия, поскольку представляет собой недо-наличествующее, «недо-сущее». Отсюда следует, что антропологическая виртуальная реальность не есть ни онтологически, ни онтически Иное горизонту человеческого существования, и для феноменов виртуальной Границы становится неверна данная выше характеристика предельных проявлений Человека как таких, которые служат проявлениями не только Человека, но и его Иного [28].

причинам, выпадает, не согласуется с общепринятой нормативной деятельности.

Совершенно очевидно, что хулиганство как немотивированное преступление - это проявление лишь малой эксцессной части ненормативного поведения человека, в котором проявляется общая неукротимая и сверхнормативная активность его духа, и которая, все-таки, находит себе место для своего самовыражения в социально приемлемых формах здесь на земле. Ненормативность проникает, пронизывает, присутствует в любой сфере деятельности человека, который во всем, с большей или меньшей остротой, чувствует свое несоответствие реальному окружению* - именно это вынуждает человека искать альтернативные пути самоактуализации во взаимодействии и противостоянии объективному миру. Тем не менее, можно утверждать, что *объективное – только объективно, и не более того, а субъективное - только субъективно, но не менее того*, и эта установка создает уверенность, что у человека есть основания для надежды, что силы человека соизмеримо соответствуют силам природы, как для сотрудничества, так и для соперничества. Как выразился психолог В.П.Зинченко, *«Свобода нашего сознания приближается к абсолютной. Она преодолевает даже такие фундаментальные определения бытия, как пространство и время»* [7. С.73]. Но, вот как восклицала Марина Цветаева о своей мятущейся душе *«Что же мне делать с этой безмерностью в мире мер?!»*

Мирной альтернативой хулиганству существования человеческой души в мире законов, возможно, могла бы стать жизнь в соответствии с буддистским принципом – «ничего неделания» или бездействия, неучастия. Но для активного воплощения воли, для активного действия в нашем мире человеку дан, открыт фантастический в своей безграничности мир Вселенной**. В одном научно-популярном фильме о происхождении Вселенной по каналу Discovery был показан сюжет о бесконечности космоса - по песчаному берегу океана идет ведущий, он наклоняется, набирает в руку горсть песка, затем раскрывает ладонь, и говорит: вот здесь у меня на ладони около двух миллионов песчинок, и чтобы вы могли получить хоть какое представление о масштабах Вселенной, попытайтесь представить, что в нашей вселенной, в космосе в миллиарды раз больше звезд, чем всех песчинок на земном шаре. От так предьявленного образа мироздания и человека, который идет по одному из бесчисленных пляжей нашей Земли, голова идет кругом, сердце замирает от величественности картины, и перехватывает дыхание для какого-либо говорения о необходимости дополнений к уже данной человеку свободе. Недаром Иммануил Кант в Заключении «Критики практического разума» записал: *«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, - это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. ...я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое*

* Несмотря на очевидность *антропного принципа* действующего в мире, который устанавливает связь между свойствами нашей Вселенной и существованием в ней человека, фундаментальные константы которой находятся в таком соотношении друг к другу, что это дало возможность появлению в ней высокоорганизованных структур.

** Возможно, человека, «бунтующего» по обсуждаемому поводу, несколько успокоят данные, о некоторых признаках свободы и непредсказуемости в мире физических законов. В последнее время появились новые сообщения о природе числа π («пи») – 3, 14..., в которой хвост последовательности цепочки чисел после запятой числами «извивается», колеблется: «как считает Дэвид Бэйли из Национальной лаборатории Лоуренс Беркли в США, нормальность некоторых математических констант связана с гипотезами из области хаотической динамики. Одна из них, так называемая «гипотеза «А», утверждает, что последовательность чисел определенного вида «пляшет» между двумя другими». Как выясняется, последовательность цифр в числе « π » случайна и на сегодняшний день оно известно с точностью до 500 млрд. знаков, в которых не найдены какие-либо повторения. т.е. их последовательность случайна. Напомним, что многие области математики и физики немислимы без использования этого иррационального, трансцендентного числа и его законов

начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами над мирами ...» [9.С. 501]. Но в то же время, перед человеком встанут вопросы: зачем мир так велик? Зачем он ему дан таким огромным? Что это за Дано (как математическая задача)?!. И имеет ли она человеческое решение? Направляет ли наше тело-материя к ответу? И хочется думать, что, непостижимая безграничность мира явлена человеку как знамение безграничности дарованной ему свободы даже в этом мире, которую он будет иметь при соблюдении определенных правил*.

Человек, покинув райский мир и перейдя в мир познания, что есть добро и зло – т.е. оказавшись в пространстве действия безличных законов, где действует только принцип силы и борьба за существование, принцип действия и противодействия, только тогда человек ощутил, что он оказался в мире несвободы. В этом мире человек стал постоянно ощущать, осознавать, что его душа, все его человеческое существо «не от мира сего». За райскими воротами человек вступил если не в мир хаоса, то в дикий и ничем не обузданный мир, где действует только механическая борьба за выживание-существование, так сказать только корысть, а не свобода.

«И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9). Нет оснований сомневаться, что в Едеме до грехопадения человек ел плоды также и с «древа жизни» – *«от всякого дерева в саду ты будешь есть»* (Быт. 2:16). Два дерева в райском саду отмечены особо - это сакральные деревья – одно связано с жизнью**, другое – со смертью*** (которое еще прикровенно символизирует присутствие Сатаны). Стоящие посреди сада - это знаки противостояния и выбора между ними (жизнью и смертью), и кажется, что древо одно из них было отдано («принадлежало») Сатане как символ незавершившейся мистерии противостояния Бога и Сатаны на небесах. Не оттого ли Создатель строго предупреждает человека: *«от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»* (Быт. 2: 16-17). В религиозной живописи змей обвивает «древо познания», неизменно изображается на нем, как будто оно - его «гнездо». Видимо, находясь в раю, сатана еще не вполне змей – змеей он становится после произнесенного над ним проклятия – *«за то, что ты сделал это, проклят ты...; ты будешь ходить на чреве твоём»* (Быт. 3:14). Причина же его присутствия в раю подобна появлению Сатаны на Божественном собрании, когда звучит предложение испытать Иова****.

Дьявол, обезображивая мир, творя уродства, тем самым внушает человеку мысль о своей всеисильности, что человек полностью со всех сторон, куда ни глянь, всюду окружен безразличием и равнодушием, всюду законы чередования и перехода от одних процессов к

* Подобно тому как всякие молитвы о даровании человеку исцеления и здоровья могут быть услышаны, при условии, если он готов вести в дальнейшем здоровый образ жизни.

** Ср. *«А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек, но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»* (Иоанн. 4:14).

*** *И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть»* (Быт. 2:16).

**** *«И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла»*. (Иов 1:7-8). По-видимому, Создатель счел нужным показать падшему херувиму, что не только ангелы в силах стоять в правде и добре, но даже плотский человек способен с честью выдержать испытание (21). И потому возникает мысль, что, если бы Адам и Ева не соблазнились предложением сатаны, то не случилось бы не только вселенской катастрофы, изменившей судьбу человечества, но и спасли бы от окончательного падения самого Люцифера. После грехопадения все оказались на оборотной стороне рая.

другим – и все мимо страданий человека, который окружен черной бездной, откуда показываются болезни и кошмар. Уродствами Сатана пугает человека, стремясь вызвать ужас, чувство полного, окончательного бессилия и уныния, безнадежности что-либо изменить в мире, что мир ужасен, отвратителен Он показывает картины своего могущества, всесильность зла, и тем самым подчинить человека себе, убедить, что никто другой в нем не заинтересован.

Этому кошмару может противостоять только вера, что этому будет положен конец и чудесным образом все вернется к гармонии свободы, а не подчинения мирским объектным законам. Только вера в Христа, победившего этот мир, что все будет исправлено, изменено, что мир будет преображен, если ты устоишь перед Сатаной, не утратишь веру в то, что мир был создан Благим Богом. Вера говорит – Не бойся! Тебя пугают в расчете, что ты откажешься от веры Благого Создателя. Но все изменится, если будешь верить в Божию силу.

Сатана действует по злобе, мстительности и зависти, смысл и цель его бесчинств – запугать человека, парализовать его веру в благость жизни и заставить отказаться от веры в Бога. Но Бог ожидает от тебя героического стояния в вере, несмотря ни на что. Не испугаться! Не дать страху и ужасу от происходящих разрушений (в том числе себя) подавить твою веру и волю к жизни. Вера в невидимое ради победы добра! – *в доброте как в чистоте*. Вера, несмотря на все ужасное, что происходит здесь, вокруг тебя. Все возродится - все лучшее и подлинное в жизни! Жертвенно спасать любую жизнь, несмотря на ложь Сатаны. Можно ли без Бога противостоять Сатане, самому, своими силами, своим разумением, без веры в Бога – *само*-стоятельно? Может быть и можно – и тогда человек не будет «обязан» Богу. Но зачем?! Ведь Он же предлагает сотрудничество и помощь!

P.S.

Целесообразность предпринятого анализа психологии хулиганства видится в том, что мы часто узнаем природу и подлинную структуру «легальной» ненормативности, а то и собственной злости только, когда агрессивность она осуществляется в патологических формах. Не забудем же об их изначальном происхождении и возможных тенденциях.

Литература:

1. *Read H.* Icon and idea. Cambridge, 1955.
2. *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в математике. М.: Советское радио, 1970.
3. *Антонян Ю.М.* Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М.: Юристъ, 1996.
4. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2
5. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд. МГУ, 1984.
6. *Герасимов С.В.* Психология зла. М.: Смысл, 1999. Глава 3.5. Хулиганство.
7. *Зинченко В. П.* Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997. - <http://psychlib.ru/mgppu/ZPM/ZPM-001.HTM>
8. *Кант И.* Соч.: В 6т. М.: Мысль. 1964. Т.3.
9. *Кант И.* Соч. В 6-и томах М.: Мысль, 1965. Т. 4. – http://www.modernlib.ru/books/kant_i/kritika_prakticheskogo_razuma/read/
10. *Козаченко И.Я., Новоселов Г.П.* Уголовное право. Особенная часть. 4-е изд., М.: Норма, 2008.
11. *Леонидов-Филиппов А.* Гордящиеся позором. <http://economicsandwe.com/doc/1027/>.

12. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс, Универс, 1994.
13. *Лэйнг Р.* Разделенное Я. (Экзистенциальное исследование душевного здоровья и сумасшествия) / Р.Лэйнг // Логос (философско-литературный журнал). М., 1992, № 3.
14. *Лэйнг Р.* <http://cpsy.ru/cit1339.htm>
15. *Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление (опыт историко-теоретического исследования). М.: Наука, 1978.
16. *Ницше Ф.* Фридрих Ницше, Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М: REFL-book, 1994. - <http://philosophy.ru/library/nietzsche/volya.html>
17. *Ницше Ф.* Принцип новой оценки. Книга третья. Рига: Центр НТТ МНО Латвии, 1990. Воля к власти <http://www.rema44.ru/resurs/conspcts/all/VOLWLA04.DOC>
18. *Рунин Б.* Логика науки и логика искусства / Б.Рунин // Содружество наук и тайны творчества. М.: Искусство, 1968.
19. Цит. по реферату *И.Б.Роднянской* «Кокс Х.Г. Праздник шутов. Теологический очерк празднества и фантазии». - В кн.: «Современные концепции культурного кризиса на Западе». М., 1976.
20. Цит. по *Свасьян К.А.* Философское мировоззрение Гете. 2001. - http://sbiblio.com/biblio/archive/sva_filo/00.aspx
21. *Тюрин М.П.* Испытание Иова как продолжение спора дьявола с Богом (Комментарии к реферату В.Авика «Sitiunt iustitiam – жажда справедливости») – http://scireprints.lu.lv/207/1/Avik.V.Sitiunt_iustitam.doc
22. *Тюрин П.Т.* Гармония как детерминанта поисковых действий в проблемной ситуации / П. Тюрин // «Семантические вопросы искусственного интеллекта». Киев: Знание, 1978.
23. *Тюрин П.* Альтернативы социальных парадигм в Латвии / П.Тюрин // Альманах Гуманитарного семинара Seminarium Hortus Humanitatis - 2006, № 6., Рига.
24. *Тюрин П.* Интерпретации визуальных ситуаций и метод отраженного трансформирования функциональных форм. М.: изд.МИПП, 2009.
25. *Тюрин П.* Психология между буквой и духом закона (теория и практика юридической психологии). Рига: изд. БМА. 2012.
26. *Файвишевский В.А.* О существовании неосознаваемых негативных мотиваций и их проявлений в поведении человека / В.А.Файвишевский // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т.3. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
27. *Фуко М.* История безумия в Классическую эпоху / СПб.: Университетская книга, 1997. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_bez/index.php
28. *Хоружий С.С.* Человек: сущее, тройко размыкающее себя. – <http://antropolog.ru/doc/persons/Норују/Норују2>
28. *Юрман Н.А.* Скрябин. Опыт патографии - <http://pathographia.narod.ru/klinik3/page3.htm> изд. М.: Художественная литература, 1990.
30. *Ярбус А.Л.* Роль движений глаз в процессе зрения. М.: Наука, 1965.